

Тургенев Иван Сергеевич

Пунин и Бабурин

Рассказ

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Сергеевич Т.**
Пунин и Бабурин: Рассказ / Тургенев Иван Сергеевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2026. – 90 с.

ISBN 978-5-519-77973-9

ISBN 978-5-519-77973-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

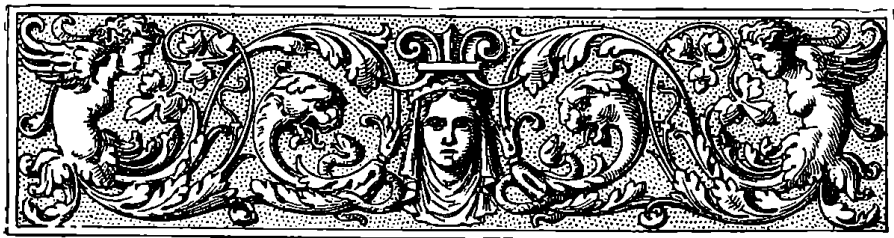
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПУНИНЪ и БАБУРИНЪ.

РАЗСКАЗЪ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА Б.

..Я теперь и старъ, и боленъ—и чаще всего размышляю о смерти, съ каждымъ днемъ болѣе близкой; рѣдко думаю о прошедшемъ, рѣдко устремляю назадъ мой духовный взоръ. Лишь иногда—зимой, сидя неподвижно передъ пылающимъ каминомъ, лѣтомъ, расхаживая тихимъ шагомъ по тѣнистой аллеѣ,—припоминаю я минувшіе годы, событія, лица; но не на зрѣлой порѣ моей жизни и не на молодости останавливаются тогда мои мысли. Онѣ переносятъ меня либо въ раннее дѣтство, либо въ первое отроческое время. Вотъ и теперь: я вижу себя въ деревнѣ у моей строгой и гнѣвной бабушки—мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ—и возникаютъ въ моемъ воображеніи два существа....

Но стану рассказывать по порядку и въ связи.

I.

1830 г.

Старый лакей Филиппычъ вошелъ, по обыкновенью, на ципочкахъ, съ повязаннымъ въ видѣ розетки галстухомъ, съ крѣпко стиснутыми — „чтобы не отдавало духомъ“ — губами, съ сѣденькимъ хохолкомъ на самой серединѣ лба; вошелъ, поклонился и подалъ на желѣзномъ подносѣ моей бабушкѣ большое письмо съ гербовой печатью. Бабушка надѣла очки, прочла письмо....

— Самъ онъ тутъ?—спросила она.

— Чего изволите?—робко проговорилъ Филиппычъ.

— Безтолковый! Тотъ, кто привѣзъ письмо—тутъ?

— Тутот-ка, тутот-ка.... Въ конторѣ сидить.

Бабушка погремѣла своими янтарными чѣтками....— Вели ему явиться.... А ты, сударь,—обратилась она ко мнѣ:—сиди смирно.

Я и такъ не шевелился въ своемъ уголку, на присвоенномъ мнѣ табуретѣ.

Бабушка держала меня въ ежовыхъ рукавицахъ!

Минутъ пять спустя, вошелъ въ комнату человекъ лѣтъ тридцати-пяти, черноволосый, смуглый, съ широкоскулымъ, рябымъ лицомъ, крючковатымъ носомъ и густыми бровями, изъ-подъ которыхъ спокойно и печально выглядывали небольшіе сѣрые глаза. Цвѣтъ этихъ глазъ и выраженіе ихъ не соотвѣтствовали восточному складу остального

лица. Одѣтъ былъ вошедшій человѣкъ въ степенный, долгополый сюртукъ. Онъ остановился у самой двери и поклонился—одной головою.

— Твоя фамилія Бабуринъ?—спросила бабушка, и тутъ же прибавила про себя: „Il a l'air d'un arménien“

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ тотъ глухимъ и ровнымъ голосомъ. При первомъ словѣ бабушки: „твоя“—брови его слегка дрогнули. Ужъ не ожидалъ ли онъ, что она будетъ его „выкать“, говорить ему: вы?

— Ты русскій? православный?

— Точно такъ-съ.

Бабушка сняла очки, и окинула Бабурина медлительнымъ взоромъ съ головы до ногъ. Онъ не опустилъ глазъ и только руки за спину заложилъ. Собственно меня больше всего интересовала его борода: она была очень гладко выбрита, но такихъ синихъ щекъ и подбородка я отроду не видывалъ!

— Яковъ Петровичъ,—началъ бабушка:—въ письмѣ своемъ очень тебя рекомендуетъ, какъ человѣка „тверёзаго“ и трудолюбиваго; однако, отчего же ты отъ него отошелъ?

— Имъ, сударыня, въ ихъ хозяйствѣ другого качества люди нужны.

— Другого.... качества? Этого я что-то не понимаю.— Бабушка снова погремѣла чётками. — Яковъ Петровичъ мнѣ пишетъ, что за тобою двѣ странности водятся. Какія странности?

Бабуринъ легонько пожалъ плечами.

— Не могу знать, что имъ угодно было назва в стран-
ностями. Развѣ вотъ, что я.... тѣлеснаго наказанія не
допускаю.

Бабушка удивилась. — Неужто-жъ Яковъ Петровичъ
тебя наказывать хотѣлъ?

Темное лицо Бабурина покраснѣло до самыхъ волосъ.

— Не такъ вы изволили понять меня, сударыня. Я
имѣю правиломъ не употреблять тѣлеснаго наказанія....
надъ крестьянами.

Бабушка удивилась больше прежняго, даже руки при-
подняла.

— А!—промолвила она наконецъ, и, нагнувши голову
нѣсколько на бокъ, еще разъ пристально осмотрѣла Ба-
бурина. — Это твое правило? Ну, это мнѣ совершенно
все равно; я тебя не въ прикащики прошу, а въ контор-
щики, въ писцы. Почеркъ у тебя каковъ?

— Пишу я хорошо-съ, безъ ошибокъ ореографиче-
скихъ.

— И это мнѣ все равно. Мнѣ—главное, чтобы чѣтко
было, да безъ этихъ прописныхъ новыхъ буквъ съ хво-
стами, которыхъ я не люблю. А какая твоя другая стран-
ность?

Бабуринъ помялся на мѣстѣ, кашлянулъ....

— Быть можетъ.... господинъ помѣщикъ изволилъ
намекать на то, что я не одинъ.

— Ты женатъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.... но....

Бабушка нахмурилась.

— Со мной живеть одно лицо.... мужескаго пола.... товарищъ, убогій человѣкъ, съ которымъ я не расстаюсь.... вотъ уже, почитай, десятый годъ.

— Онъ твой родственникъ?

— Нѣтъ-съ, не родственникъ—товарищъ. Неудобствъ отъ него никакихъ по хозяйству произойти не можетъ,—поспѣшилъ прибавить Бабуринъ, какъ-бы предупреждая возраженія. — Живеть онъ на моихъ харчахъ, помѣщается въ одной со мной комнатѣ; скорѣй пользу онъ должонъ принести, такъ какъ грамотѣ онъ обученъ, безъ лести сказать, въ совершенствѣ, и нравственность имѣеть примѣрную.

Бабушка выслушала Бабурина, пожевывая губами и щурясь.

— Онъ на твоёмъ иждивеніи живеть?

— На моемъ-съ

— Ты его изъ милости содержишь?

— По справедливости.... такъ какъ бѣднаго человѣка обязанность есть—помогать другому бѣдному.

— Вотъ какъ! Впервые слышу. Я до сихъ поръ полагала, что это скорѣй обязанность богатыхъ людей.

— Для богатыхъ, осмѣлюсь доложить, это занятіе.... а для нашего брата....

— Ну, довольно, довольно, хорошо,—перебила бабушка и, подумавъ немного, промолвила въ носъ, что всегда было дурнымъ знѣкомъ:—А какихъ онъ лѣтъ, твой нахлѣбникъ?

— Моихъ лѣтъ-съ.

— Твоихъ?—Я полагала, что онъ твой воспитанникъ.

— Никакъ нѣтъ-съ; онъ мой товарищъ—и притомъ....

— Довольно,—вторично перебила бабушка.—Ты, значить филантропъ. Яковъ Петровичъ правъ: въ твоёмъ званіи—это странность большая. А теперь поговоримъ-ка о дѣлѣ. Я тебѣ растолкую, какія будутъ твои занятія. Да, вотъ еще на счетъ жалованья....—*Que faites vous ici?*—прибавила вдругъ бабушка, обративъ ко мнѣ свое сухое и желтое лицо.—*Allez étudier votre devoir de mythologie.*

Я вскочилъ, подошелъ къ бабушкиной ручкѣ и отправился,—не изучать мифологію, а просто въ садъ.

Садъ въ бабушкиномъ имѣніи былъ очень старъ и великъ, и заканчивался съ одной стороны проточнымъ прудомъ, въ которомъ не только водились караси и пескари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче почти вездѣ исчезнувшіе гольцы. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ косо-гора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, тёрна, проросшіе снизу верескомъ и зорей. Лишь кое-гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-зеленой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣжки и свѣтлыми пятнами загорались золотые шарики „куриной слѣпоты“. Тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада—и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, потаенныя мѣстечки, извѣст-

ныя,—такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ!—только мнѣ одному. Вышедши изъ бабушкинаго кабинета, я прямо отправился въ одно изъ тѣхъ мѣстечекъ, прозванное мною „Швейцаріей“. Но каково было мое изумленіе, когда, еще не добравшись до „Швейцаріи“, я сквозь частый переплетъ полузасохшихъ прутьевъ и зеленыхъ вѣтвей увидалъ, что кто-то открылъ ее кромѣ меня! Какая-то длинная-длинная фигура, въ желтомъ фризovémъ балахонѣ и высокомъ картузѣ, стояла на самомъ облюбованномъ мною мѣстечкѣ! Я подкрался поближе и разглядѣлъ лицо, совершенно мнѣ незнакомое, тоже предлинное, мягкое, съ небольшими красноватыми глазками и презабавнымъ носомъ: вытянутый, какъ стручекъ, онъ точно повисъ надъ пухлыми губками; и эти губки, изрѣдка вздрагивая и округляясь, издавали тонкій свистъ, между тѣмъ какъ длинные пальцы костлявыхъ рукъ, поставленные дружка противъ дружки на выпинѣ груди, проворно двигались круговращательнымъ движеніемъ. Время отъ времени движеніе рукъ замирало, губы переставали свистать и вздрагивать, голова наклонялась впередъ, какъ-бы прислушиваясь. Я пододвинулся еще поближе, взглянулъ еще внимательнѣе.... Незнакомецъ держалъ въ каждой рукѣ по небольшой плоской чашечкѣ, въ родѣ тѣхъ, которыми дразнятъ и заставляютъ пѣть канареекъ. Сукъ хрустнулъ у меня подъ ногою; незнакомецъ дрогнулъ, устремилъ свои слѣпыя глазенки въ чашу и попытался-было.... да наткнулся на дерево, охнулъ и остановился.

Я вышелъ на полянку. Незнакомецъ улыбнулся.

— Здравствуйте,—промолвилъ я.

— Здравствуйте, барчукъ!

Мнѣ не понравилось, что онъ меня назвалъ барчукомъ. Что за фамиллярность!

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ я строго.

— А вотъ, видите,—отвѣчалъ онъ, не переставая улыбаться.—Птичекъ на пѣніе вызываю.—Онъ показалъ мнѣ свои чашечки.—Зяблики отлично отвѣтствуютъ! Васъ, по младости вашихъ лѣтъ, пѣніе пернатыхъ должно улащать безпремѣнно! Извольте прислушать: я стану щебетать—а они за мною сейчасъ—какъ пріятно!

Онъ началъ тереть свои чашечки. Точно, зяблѣкъ отозвался на ближней рябинѣ. Незнакомецъ засмѣялся беззвучно и подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Смѣхъ этотъ и это подмигиваніе — каждое движеніе незнакомца, его шепелявый, слабый голосъ, выгнутыя колѣни, худощавыя руки, самый его картузь, его длинный балахонъ — все въ немъ дышало добродушіемъ, чѣмъ-то невиннымъ и забавнымъ.

— Вы давно сюда пріѣхали?—спросилъ я.

— А сегодня.

— Да вы не тотъ ли, о которомъ....

— Господинъ Бабуринъ съ барыней говорилъ? Тотъ самый, тотъ самый.

— Вашего товарища Бабуринымъ зовутъ, а васъ?

— А меня—Пунинымъ. Пунинъ моя фамилія; Пунинъ. Онъ Бабуринъ, а я Пунинъ.—Онъ опять зажуужжалъ ча-

шечками. — Слышите, слышите зяблика.... Какъ зали-
вается!

Мнѣ этотъ чудакъ вдругъ „ужасно“ полюбился. Какъ почти всѣ мальчики, я съ чужими либо робѣлъ, либо важничалъ, а съ этимъ я словно вѣкъ былъ знакомъ.

— Пойдемте со мною,—сказалъ я ему:—я знаю мѣ-
стечко еще лучше этого; тамъ есть скамейка: мы сѣсть
можемъ, и плотина оттуда видна.

— Извольте, пойдемте,—отвѣчалъ на распѣвъ мой новый
пріятель. Я пропустилъ его впередъ. На ходу онъ перева-
ливался, шмыгалъ ногами и затылокъ назадъ закидывалъ.

Я замѣтилъ, что у него сзади на балахонѣ, подъ во-
ротникомъ, болталась небольшая кисточка.—Что это у
такое виситъ?—спросилъ я.

— Гдѣ?—переспросилъ онъ, и, пощупалъ воротникъ
рукою.—А! Эта кисточка? Пушай ее! Значить, для красы
пришита. Не мѣшаетъ.

Я привелъ его къ скамейкѣ, сѣлъ; онъ помѣстился
рядомъ. — Здѣсь хорошо!—промолвилъ онъ и вздохнулъ
глубоко, глубоко.—Охъ, хорошохонько! Отличнѣйшій у
васъ садъ! Охъ, охъ-хо!

Я посмотрѣлъ на него сбоку. — Какой у васъ кар-
тузь,—невольно воскликнулъ я.—Покажите-ка!

— Извольте, барчукъ, извольте.—Онъ снялъ картузь;
я протянулъ-было руку, но поднялъ глаза и—такъ и прыс-
нулъ. Пунинъ былъ совершенно лысъ; ни одного волосика
не виднѣлось на заостренномъ его черепѣ, покрытомъ
гладкой и бѣлой кожей.

Онъ провелъ по немъ ладонью и засмѣялся тоже. Когда онъ смѣялся, онъ словно захлебывался, раскрывалъ широко ротъ, закрывалъ глаза — а по лбу пробѣгали морщины снизу вверхъ, въ три ряда, какъ волны.—Что?—сказалъ онъ наконецъ.—Не правда ли, настоящее яйцо?

— Настоящее, настоящее яйцо! — подхватилъ я съ восторгомъ.—И давно вы такіе?

— Давно; а какіе были волосы!—Золотое руно, подобное тому, за которымъ аргонавты переплывали морскія пучины.

Хотя мнѣ всего было двѣнадцать лѣтъ, однако я, по милости моихъ миѳологическихъ занятій, зналъ, кто были аргонавты; тѣмъ болѣе удивился я, услышавъ это слово въ устахъ человѣка, одѣтаго чуть не въ рубище.

— Вы, стало-быть, учились миѳологіи!—спросилъ я, переворачивая въ рукахъ картузь, который оказался на ватѣ, съ мѣховымъ облѣзлымъ околышемъ и картоннымъ надломаннымъ козырькомъ.

— Изучалъ этотъ предметъ, барчучёночекъ мой миленькій; въ жизни моей всего было достаточно! А теперь возвратите-тка мнѣ покрывку, ею же защищается нагота главы моей.

Онъ нахлобучилъ картузь, и перекосивъ свои бѣловатія брови, спросилъ меня: кто я собственно такой и кто мои родители?

— Я внукъ здѣшней помѣщицы,—отвѣчалъ я.—Я у ней одинъ. Папа и мама умерли.